

Донор

Автор:

[Вера Петрук](#)

Донор

Вера Александровна Петрук

Энки не знает о себе ничего, кроме имени, вырезанного у него на ладони. Очнувшись посреди городских трущоб во время облавы, он попадает в тюрьму и, чтобы освободиться, соглашается стать донором военного эмпата, который обещает не только помочь с властями, но и вернуть память. Энки оказывается в самом центре противостояния двух могущественных рас, не догадываясь, что скоро ему придется сделать главный выбор в своей жизни.

Вера Петрук

Донор

Глава 1. Хаос в ночи

В лицо брызнула каменная крошка, ослепляя серым дождем. Он зажмурился, опустив голову обратно на землю. Мир появился секунду назад, ворвавшись в его пустой мозг шипением бластеров, жаром рассекающих воздух импульсных лучей, криками и топотом бегущей толпы. Яркие вспышки выстрелов прорезали ночь, осветив темные силуэты зданий, уходящих в небо. Интуитивно почувствовав опасность, он откатился в сторону, угодив в лужу, зато избежав столкновения с мусорным баком, который с лязгом грохнулся туда, где его тело лежало секунду назад. Отплевываясь от жидкой грязи, он пополз к сухому участку, но сзади что-то упало, и волна мути накрыла его с головой. Пришлось

отведать зловонной жижи еще раз.

– Вставай, не сдавайся! – крикнул кто-то над ухом. Вода забурлила, подогреваемая импульсными лучами, ногу пронзила вспышка боли, а во рту появился привкус крови – не его. Пришлось несколько раз потереть ладонями лицо, чтобы убрать останки чьей-то жизни. Он потряс головой, втайне надеясь, что сейчас на него обрушится поток связанных мыслей вместе с памятью, но в конце улицы показались темные силуэты, и разум занялся тем, что диктовали обстоятельства – выживанием.

Стреляли с крыш. Он стиснул зубы и позволил жидкой кровавой грязи накрыть его с головой, надеясь, что его примут за труп. Трюк сработал. Лужу оставили в покое, а в стороне зашипело – словно плеснули маслом на раскаленную жаровню. Люди, прятавшиеся за кучей мусора, бросились в рассыпную. Теперь целились по ним. Услышав, что толпа бежит в его сторону, и понимая, что будет неизбежно затоптан, он вырвал тело из жижи и бросился наугад в темноту.

Над головой скользнул жарящий луч, в щеку впилась кирпичная крошка, выбитая из стены дома. Струйный плазменный бластер класса «Инферно», машинально определил он, меняя траекторию, чтобы увернуться от следующего выстрела. Рядом закапал расплавленный металл, едва не оставив метку на плече. Наверное, заряд угодил в пожарную лестницу или другую конструкцию – по всей улице воняло горелым пластиком и жженой человеческой кожей. Он совершенно точно знал, что, когда человека прожигают насквозь плазменным лучом, пахнет именно так. А вот откуда он это знал, было даже интереснее того, почему его пытались убить.

Наверное, он контужен и ничего не помнит. Первая трезвая мысль была похожа на правду. Война? Но люди, которые бежали рядом, не были похожи на солдат. Самые обычные женщины, мужчины, подростки и даже дети. Обратив внимание, что почти все одеты в теплые куртки и шапки, он понял, что ему холодно. Воздух был пронзительно стылым, а ветер вымораживал до костей. В отличие от других беглецов, на нем были только легкие брюки, ботинки и порванная рубашка. Похоже, и он солдатом не являлся. Однако тело двигалось послушно и слаженно, правильно реагируя, когда его пытались толкнуть те, кто бежал быстрее. Раненая нога не позволяла ему маневрировать или набрать скорость.

Послышался громкий щелчок и нарастающий вой. Он не понял, почему из всех звуков выделил именно этот, но позволил телу делать то, что оно хотело –

рухнул на землю, проскользив на животе и оставляя на земле лоскуты кожи. Рядом свалился человек, секунду назад бегущий рядом. Теперь у него не было головы. Дезинтегратор типа «Протуберанец», а его голос было трудно с чем-либо перепутать, проделал в бегущей толпе тоннель, превратив в кровавый туман все, что встретилось на пути.

Он ободрал живот и локти, но остался цел – дивное везение, когда по тебе стреляют из контактного дезинтегратора. Это было серьезное оружие с серьезным радиусом поражения. Что сделали все эти люди? Почему их гнали, как опасных тварей, которых следует истребить любым способом? Был ли он в их числе или попал в облаву случайно? В ночи резко пахло свежей кровью, выли сирены, кричали люди, мелькали вспышки огней, освещающая силуэты раненых.

Ладонь левой руки резанула боль. Поднимаясь, он неудачно оперся об осколки, которыми была усеяна улица. От удара дезинтегратора выбило стекла в ближайших домах. Он бросил быстрый взгляд на руку, чтобы оценить повреждения и замер, увидев царапины, покрывающие тыльную сторону кисти. На царапинах уже запеклась сухая корка крови, а значит, он получил их раньше. Впрочем, внимание привлекло не это, а странная геометрия – среди рваных линий угадывались... буквы. Кто-то вырезал на его руке слово «Энки». Что такое «Энки»? Или кто такой? Слово могло иметь тысячи значений, но он решил, что присвоит его себе, как имя. Ему нужно было с чего-то начать, а обретение имени казалось хорошим первым шагом.

Стрелки, появившиеся в конце проулка, шли не спеша, методично добивая раненых. Черные комбинезоны, поблескивающие защитными экранами, высокие сапоги, шлемы-визоры, полный набор вооружения. Над их головами плыл массивный глайдер, обшаривающий место побоища прожекторным лучом. Свет выхватывал из темноты не только трупы. Энки не нужно было напрягать зрение, чтобы различить надпись «Полиция Маурконда» на черных комбинезонах боевиков.

Остаться на месте было нельзя. Сейчас его скрывала металлическая громада, о которую он стукнулся, когда его отбросило ударом дезинтегратора, но стоит дистанции сократиться, и сканеры засекут живого человека. Кстати, что это за машина, о которую его приложило? Энки обернулся, пытаясь понять, во что врезался, и уставился на опрокинутый мотоцикл. Водитель валялся в трех метрах. Луч дезинтегратора снес ему полтуловища, превратив в подобие человека. Мотоцикл был не просто удачей – он был нереальным везением.

Быстро осмотрев машину, Энки понял две вещи. Во-первых, байк не пострадал, а во-вторых, в прошлом он сам, вероятно, не только гонял на таких болидах, но и досконально разбирался в каждой детали. Байк был монстром, и стоило только догадываться, каким образом его сумели подстрелить. Это был настоящий доисторический зверь старинного класса «Эндуро» с хищным, агрессивным дизайном, массивным аэродинамическим блоком позади сиденья пилота, колесами-трансформерами и мощной армированной рамой, о которую врезался Энки, когда его отнесло взрывной волной. Два массивных передних колеса были расставлены в стороны, а сиденье опущено в режим «спокойной езды» – вероятно, облава стала для пилота такой же неожиданностью, как и для Энки. Байк был не лучшим способом, чтобы тихо и незаметно скрыться от преследователей. Энки совершенно точно знал, с каким грохотом заводится двигатель.

Однако удача была капризной дамой, и ее вниманием пренебрегать не стоило. Она хотела знать, как быстро Энки сможет поднять байк, завести его без кодов управления и при этом не получить заряд бластера в спину. Ему тоже было интересно. Дождавшись, когда к интересу подключится инстинкт самосохранения, Энки набросился на машину. Все произошло быстро. Тело работало так, словно он всю жизнь занимался угоном байков из под носа полицейских, вооруженных дезинтеграторами. Взломать щиток управления, оседлать монстра, отодвинуть назад подножки, поднять вертикально сиденье, лечь на бак, ощутить, как мощное сердце байка начинает биться в твоей собственной груди. На это ушли секунды, но удача все еще была на его стороне – Энки заметили не сразу.

Голос бортового компьютера, приветствующего пилота, прозвучал в ночи неприлично громко. Наверное, у предыдущего владельца были проблемы со слухом. За спиной раздалось знакомое шипение, а в воздухе остро-кисло запахло лимоном и сажой – так пахло всегда, когда плазменный заряд взрывался о защитный экран силового поля. Энки успел активировать его в последний момент. Подумав о том, что пилотирование мотобайка-трансформера без защитного костюма – затея самоубийственная, он спустил зверя с цепи.

Сдвигать передние колеса пришлось уже на ходу. Байк вынесся из темного проулка на освещенную ночными огнями трассу, словно хищник, слишком долго сидевший в засаде. Энки знал, что режим автопилота будет только мешать, но ему нужно было время, чтобы осмотреться. Мелькающий вокруг город не вызывал никаких воспоминаний, а вот с черным глайдером, возникшим за

спиной, у него сложились неприятные ассоциации. Когда к преследующим машинам добавился еще один полицейский дрон, Энки понял, что идея побега на мотоцикле, возможно, была не настолько удачной. О том, что везение его покинуло, он догадался, когда индикатор заряда эфталитовой батареи замигал красным, а силовое поле мотодрона стало мигать и потрескивать.

Может сдаться? Объяснить, что он ничего не помнит, а убежать стал, поддавшись панике? Развить предательскую мысль глубже помешал бортовой компьютер, который стал назойливо запрашивать конечный пункт назначения. Вырубив автопилот, Энки сильнее прижался к ревущему байку и нырнул в ближайший переулок. Надежда, что толстый корпус глайдера не пролезет между стен домов, не оправдалась. Размер полицейского дрона идеально вписался в ширину улицы, а бортовой компьютер снова подал голос.

– Пожалуйста, оплатите трэк Маурконда и снизьте скорость. Вы находитесь в жилой зоне.

Энки выругался. Водитель оказался настолько растяпой, что не только не зарядил батарею перед заездом, но и не оплатил дорожные налоги. Переулок был длинным, и Энки начинал опасаться, как бы ему не перекрыли путь сверху. То, что впереди рано или поздно появится тупик, было предсказуемо. Летящий позади глайдер снизил скорость, словно подсказывая, что преграда близко. Ковыряться в панели управления на ходу было неудобно, но Энки все-таки отключил голосовую связь, и голос, напоминающий о долге Маурконду и необходимости уйти от столкновения, наконец, заткнулся.

Маурконд... Он знал этот город, помнил его огни, улицы и дома с забавными фасадами и темной зеленью декоративных кустов на балконах. Уходить от погони и заниматься воспоминаниями, лежа на спине дракона, было трудно, и Энки решил оставить прошлое на потом, на будущее. Сердце байка стучало мерно и громко, внушая уверенность, что оно все-таки наступит.

Увидев кирпичную махину забора, Энки понял, что пора было прощаться с землей. Он в очередной раз потянулся к панели управления, рискуя свалиться с дрона, и только тут увидел здоровую битую, прикрепленную к сидению. У бывшего хозяина байка имелось своеобразное чувство юмора. Что можно сделать битой против бронированных глайдеров? А может, он просто был игроком?

Включив режим трансформации и надеясь, что заряда эфталита хватит, чтобы удержать байк на лету, Энки заставил монстра взлететь. Ему показалось, что колеса превращались в вертушку целую вечность, и их вот-вот размажет по кирпичу, но байк справился и взмыл в воздух, когда до столкновения оставалась всего пара метров. Полицейский глайдер набрал высоту мгновенно, и Энки, вырвавшись на крышу здания, выиграл мало – разве что избежал судьбы быть вмятым в стену. Его прижало к корпусу мотодрона, а ветер, бьющий в лицо, не давал глубоко вздохнуть – все-таки пилотирование без защитного костюма и шлема было плохой идеей. Индикатор эфталитового заряда уже не просто горел красным. Он тревожно мигал, и Энки пожалел о том, что у него не было времени проверить, исправен ли режим катапультирования.

Между тем, к преследующему его глайдеру присоединились еще два полицейских «броневика», и началась серьезная гонка. Если в переулке стрелять мешали стены домов, то над крышами был просторно – настоящий полигон для стрельбищ по движущейся цели. Мишень была не очень сложной. Байк Энки плохо держал высоту и не отрывался от поверхности крыш выше двух метров. Защитное поле трещало, но пока по нему стреляли только из плазменных бластеров. Он мог только догадываться, что произойдет, когда полиция перейдет на дезинтегратор. Впрочем, возможно, у них не осталось зарядов. Энки на это сильно надеялся, ведь у него из оружия была только бита.

Полицейские глайдеры не собирались гоняться за ним весь день. Одна машина поднялась немного выше уровня его трека, остальные две стали набирать скорость, окружая с боков. Верхний глайдер прекратил стрельбу из плазменных пушек и стал наводить на него мощный ствол бластера. Эти манипуляции, отразившиеся в трехмерном экране байка, напоминали движения палача перед казнью – вот он медленно замахивается секирой и набирает в грудь в воздух, чтобы с резким выдохом оборвать чью-то жизнь. В данном случае – Энки. Сомнений, что вращающееся дуло на глайдере принадлежало дезинтегратору, у него не было. Всего один заряд, и на крыши Маурконда опустится облако из кроваво-металлических ошметков байка и его пилота.

Энки не знал, откуда у него рождались безумные мысли, но они приходили в тот момент, когда других вариантов не оставалось. Снизив скорость, он привел сиденье в горизонтальное положение и, надеясь, что голова, подкинувшая ему эту идею, знала, на что способно его беспмятное тело, взгромоздился коленями на байк, чувствуя себя циркачом. Поймать баланс удалось довольно быстро, и вот он уже стоял на сиденье ревущей машины, сжимая в одной руке биты. Ветер

рвал волосы и неприятно охлаждал рану на обожженной бластером ноге, но Энки пошел дальше: медленно развернулся лицом к преследователям и закачался, лоя равновесие. Если раньше ему казалось, что машина летит идеально ровно, но теперь, когда он стоял на сиденье, движения байка напоминали гонку по бездорожью. Оставалось надеяться, что эфталитовая батарея не вырубится прямо сейчас.

Полицейские глайдеры тоже замедлили ход – им было интересно посмотреть на психа, решившего напасть на них с битой. Вероятно, погоня ожидала, что он начнет колотить битой по бронированному корпусу их машины, однако у Энки были другие планы – немного более сумасшедшие. Выждав, когда движения верхнего глайдера синхронизируются с байком, он подпрыгнул и уцепился свободной рукой за бампер полицейского броневика. Подтянулся, оторвал ноги от сиденья и втянул тело на поверхность глайдера, обжигающе раскаленную. От неожиданности полицейские даже лететь стали ровнее – будто опасались, что он сорвется и представление закончится слишком быстро.

Датчик визора активно мигал зеленым, запечатлевая его в разных ракурсах, однако у Энки не было времени позировать. Нужно было успеть до того, как закончится адреналин – у него и любопытство – у преследователей. Байк послушно летел вниз, дожидаясь его, словно лошадь на цирковой арене, которой нет дела, что там вытворяет всадник в небе.

Вот и дуло дезинтегратора. Оно оказалось больше, чем полагал Энки, но для задуманного годилось. Размахнувшись, он вогнал в металлическую трубу рукоять биты, которая погрузилась в канал до основания, застряв в ней широкой частью. Теперь макушка биты торчала из дула, словно воздушный шар, готовый вот-вот вырваться из ствола. На став дожидаться, когда полицейские осознают всю глупость затеянного им плана, он плюхнулся на бампер и скатился по нему на байк. И только почувствовав между ног холодный пластик сиденья, перевел дух.

Никогда, ни за что в жизни, ни под каким предлогом он больше не будет вытворять подобное. Энки не знал, что случится, если выстрелить из дезинтегратора, дуло которого заткнуто пластиковой битой. Не знал этого и пилот глайдера, поэтому рисковать не стал. Очнувшись, полицейский дрон открыл по нему стрельбу из плазменных бластеров, удары которых защитный экран байка выдерживал. Пока выдерживал. Искушать судьбу и дожидаться полного истощения батареи мотодрона не стоило, поэтому Энки, не раздумывая,

перешел ко второй части плана.

Громаду строящегося небоскреба он заметил давно. Скорректировав навигацию, он направил байк в его сторону, надеясь, что полиция не знает то, что всплыло из недр его заблокированной памяти, а если и знает, то не придаст этому значения. Весь план строился на предположении, что силовой экран, охраняющий небоскреб, не имеет высоких уровней защиты и может быть легко пробит корпусом летящего на всей скорости байка. Раньше у него такой трюк получался. Правда, когда случалось это «раньше», он не помнил. И чем заканчивались подобные фокусы, память тоже умалчивала.

Пилоты глайдеров, конечно, разгадали его намерения и сократили дистанцию, стиснув «клещи», чтобы он не вильнул в сторону. Им было выгодно заманить его внутрь строящейся конструкции – ведь там он окажется на их территории. Они даже стрелять перестали, что Энки совсем устраивало. Оставалось не переиграть и довести дело до конца. А он был близок: индикатор эфталитового заряда уже даже не мигал. Он загадочно потух, и его смерть не предвещала ничего хорошего. «Пожалуйста, поживи еще минуту», – мысленно обратился он к байку и выжал максимальную скорость.

Трюк с битой не научил полицейских относиться к нему с уважением. Их глайдеры с треском врезались в силовой экран здания, проникнув внутрь словно раскаленные ножи в кусок масла. Впереди гордо мчался мотоцикл, который стал острием клинка, пробившим защитное поле стройки. Только Энки на нем уже не было.

Он катапультировался за секунду до столкновения и теперь болтался на прожекторе, освещавшем рекламный щит. Вообще-то Энки планировал приземлиться на крыше соседнего одноэтажного здания, откуда можно было спуститься в парк, темнеющий на обширной площади. Однако судьбе было угодно выбросить его на проклятый светильник, который возвышался над землей на приличном расстоянии. Прыгнуть с него он бы точно не решился. Одно утешало – о глайдерах временно можно было забыть.

Оседлав металлическую дугу прожектора, Энки пополз к рекламному щиту, бросив быстрый взгляд на здание, чтобы удостовериться, что план сработал. Внутри пустого скелета небоскреба мельтешили огни дронов, а по силовому полю стройки временами разливались яркие всполохи. То глайдеры атаковали экран, пытаясь пробить его изнутри. Но ловушка захлопнулась: легко войти,

трудно выйти. Неизвестно откуда в его беспамятной голове появились столь специфичные сведения, но он знал, что после первичного повреждения силовые экраны такого типа автоматически переходят на повышенный уровень защиты и пробить их изнутри трудно даже бронированным глайдерам. Чтобы не ломать машины, полицейским придется связываться со строителями, а судя по внешнему виду конструкции и предупреждающим надписям, стройка была заморожена. Им понадобится не меньше часа, чтобы найти хозяев и отключить экран. За это время Энки должен был исчезнуть.

С рекламного плаката ему улыбалась красавица с роскошными волосами. «Стань донором!» – крикнула она ему, и он поспешил отвести глаза от экрана. Современные рекламные технологии могли быть опасны для жизни. Если девица решит пообщаться с ним, когда он будет сползать по краю конструкции, немудрено и сорваться. Достигнув рекламного щита, Энки оседлал его, оценивая, с какой стороны начать спуск. Некстати вспомнился погибший байк. За короткое время их знакомства, он успел прикипеть к нему сердцем. Если ему повезет добраться до земли живым, нужно будет непременно раздобыть себе такой же.

Выбрав правую сторону щита, Энки стал осторожно спускаться по краю, цепляясь за крепления и стараясь не касаться гудевших цифровых панелей. Похоже, ему повезло родиться сумасшедшим – чувства страха перед высотой не было. Он был сосредоточен и спокоен. Хотя возможно, это было скрытым признаком приближающейся паники. Ведь он по-прежнему не знал, что делать дальше.

На миг ему захотелось, чтобы спуск длился как можно дольше. Возможно, из его беспамятного разума родится еще какая-нибудь светлая идея. Теперь он мог разглядеть землю. Это хорошо, что рекламщики соорудили щит прямо в парке. Темные кроны деревьев и густые заросли предлагали массу вариантов для удачного побега. Он спустился еще ниже и разглядел извилистое полотно тропинки, на которой чернели какие-то точки. Эти точки были похожи на задранные вверх человеческие головы. Он прищурился, и зрение послушно улучшило картинку, позволив рассмотреть уже знакомые полицейские шлемы-визоры и стволы бластеров, направленных ему в спину.

Он даже не успел выругаться, когда почувствовал, что по плечу, куда ударили заряды парализаторов, расплзается онемение.

«Вряд ли разобьюсь, но наверняка поломаюсь», – подумал он, понимая, что окаменевшие пальцы больше не цепляются за крепления щита. Должно быть, он сильно впечатлил местные власти, раз его решили взять живым. Впрочем, вопрос был спорным, но он надеялся, что ему повезет сломать шею. Где-то глубоко внутри него скрывалось твердое убеждение – ему нельзя попадаться живым.

– Стань донором! – снова позвала девушка с рекламы. Ее красивое лицо стремительно уменьшалось в размерах, пока его не заслонили мелькающие ветки и тугие влажные от ночной росы листья. Падение было безболезненным. Приземлившись, он услышал хруст и мгновенно погрузился во тьму.

Глава 2. Тюрьма

Пробуждение было неприятным. Прежде всего, от осознания того, что он, увы, не убит, а выжил. Энки ожидал привкуса крови во рту и нестерпимой боли в переломанных конечностях, но ничего подобного не было. По телу расползалась легкая дрожь, которая временами превращалась в озноб. Подобный тремор был верным признаком того, что он побывал в медблоке, а значит, его залатали. Оставалось лежать и дергаться, как наркоман при ломке.

«Откуда ты знаешь, как там наркоманам?» – спросил он себя, но память загадочно молчала. Мол, я-то все знаю, но тебе не скажу. А он, дурак, надеялся, что если не разобьется насмерть, то хотя бы что-нибудь вспомнит. Энки отлично помнил побег от полицейских и его позорный конец. Но все, что было раньше, утонуло в болоте прошлого.

Самое время открыть глаза и взглянуть на настоящее. Поморгав, он уставился на низкий потолок, до которого мог дотянуться рукой. Потолок сильно прогибался. Повернул голову в сторону, Энки, наконец, понял, куда угодил. Белеющий в темноте толчок и стальные прутья решетки не оставляли сомнений. Смертную казнь заменили на несвободу. Оставалось разобраться, в чем заключалось преимущество.

Окинув помещение взглядом, он машинально отметил, что в камере отсутствовал датчик визора, а дверь запиралась только на замок – никаких

силовых полей, лазерных решеток или контролирующих ошейников. Шаги охраны снаружи тоже не слышались. Из всего этого следовал вывод о скромном бюджете тюремного заведения. Значит, его преступления не выходили за рамки обычной криминальщины, иначе сидеть бы ему в «Звездном отеле», тюрьме особого режима на Хартуме, где заключенных подключали к центральному источнику энергоснабжения города, или париться в эфталитовой капсуле знаменитой джунгарийской колонии смертников. Информация полилась, словно потоки воды из прорвавшейся плотины, но сквозь муть и взвесь разглядеть что-либо было трудно. Хартум и Джунгария были колониями Маурконда, необъятного города-государства, по улицам которого он убегал от полиции всего... час назад? Внутренний хронограф подсказывал, что прошло именно столько времени – ни минуты больше. Его «отремонтировали» в медблоке, но вряд ли успели доставить до портала, чтобы перекинуть в одну из пяти колоний Пятиречья – неофициальное название Маурконда он тоже помнил. Его память была похожа на топливный бак, пробитый зарядом. Одного выстрела не хватило, чтобы взорвать все к чертям, и теперь из него по каплям сочились несвязные воспоминания, которые только путали и сбивали с толку. Нужно было или срочно заделать брешь или, наконец, взорвать себе голову, чтобы обрывки прошлого не сводили с ума.

С верхней полки свесилась нога с длинными, грибковыми ногтями на скрюченных пальцах. Энки мгновенно обсыпало сухой кожей, и он брезгливо стряхнул омертвевшую шелуху с колен. Скверно получалось – для драки было не лучшее время. Он уже понял, что не отличался большим ростом и крупным телосложением. Скорее, напоминал того, кто всю жизнь провел в сетевых играх с подключенным внутривенным питанием. Или выжившего после многодневного голодания. Вот только геймеры не гоняют на байках в реальной жизни, а в сытом Маурконде нельзя умереть с голода.

– Сынок, тебя что, не кормили?

У него отлегло от сердца. Голова, свесившаяся с верхней кровати, была слишком старой для тюремного быка. Впрочем, выводы делать было рано – старики бывают разными, особенно в тюрьмах.

– Здорово, отец, – кивнул он. – Давно я здесь?

– И часа не прошло, – охотно отозвался старик, спуская с полки вторую ногу и снова обсыпая камеру сухой кожей. Из закатанных до колен штанов торчали

тощие палки ног, похожие на ветки давно умершего дерева. Кора отслаивалась и отлетала при малейшем движении. В тюремных лазаретах лечили те повреждения и болезни, которые напрямую угрожали жизни. Псориаз, или что там было у старика, к этим категориям не относился. Вспомнив, что недавно побывал в медблоке, Энки задрал рубашку и внимательно осмотрел впалый живот, выступающие ребра и три кольца, опоясывающие грудную клетку. Полоски проходили под кожей и едва выделялись слабым свечением. Такие же кольца были на шее, правом запястье и голених обеих ног. Прилично так он поломался. Память услужливо подсказала – через пару часов от вживленных «бинтов» не останется и следа, но если рассасывание начнется без анестетика, процесс пройдет болезненно. Энки сомневался, что местных врачей это сколько-нибудь беспокоит.

– Не знаешь, за что меня посадили? – без особой надежды спросил он старика, который принялся расчесывать ноги, оставляя на тощих икрах кровавые полосы. – По голове стукнули, ничего не помню.

– Наверное, ты плохой парень, а с плохими парнями случаются плохие вещи, – усмехнулся старик. – Говорят, облава была. Сегодня ночью многих привели. У меня заключение без подселения, но видишь, ты появился. Значит, больше мест на этаже нет, все заняли.

– А на кого облава? – поинтересовался Энки, осматривая камеру. Убедившись, что следящего визора нет и над верхней полкой, он подошел к решетке и с любопытством оглядел глухую стену напротив и узкий коридор с потертым пластиком на полу.

– Полукровок гоняли, – охотно отозвался старик, продолжая расчесывать ноги. – Кого поубивали, кого сюда привезли. Лучше бы их всех пожгли, дряни бы меньше стало.

– Полукровки – это те, которые от людей и...

– Ага, эмпатов, – кивнул старик. – Ты что, совсем ничего не помнишь? Хорошо же тебя по голове приложили. Хоть эмпатов не люблю и не уважаю, но их политику к полукровкам считаю правильной. Так их, чертей! Выжигать надо дезинтеграторами все кварталы, и чем чаще, тем лучше. А эти проведут рейд и успокоятся на полгода. Тьфу!

Старик сплюнул и на пол шлепнулся тугой белесый комок. Энки сделал шаг в сторону и осторожно присел на край толчка, внимательно разглядывая замок на решетке.

– Я полукровка?

– Тоже мне рассмешил, – фыркнул старик. – Был бы ты этим чертом, тебя бы в карцер посадили. Они ж свои щупы не контролируют, опаснее черных. Тебя, наверное, за компанию загребли. Если адвоката хорошего нет, плохи твои дела. Полиции ведь за каждого полукровку деньги хорошие платят. Кто откажется от лишней пары сотен? Готов поспорить, что на тебя уже все документы оформили, поэтому можешь смело называть себя полукровкой.

«Полукровки – незаконные дети эмпатов и людей, – с запозданием подсказала память. – Не контролируют эмоциональный вампиризм, опасность третьего уровня».

Интересно, а рейтинг опасности он сам сочинял или воспользовался общеизвестными источниками?

– Отец, – снова обратился он к соседу по камере. – А эмпаты – это политическая партия левых или радикалы какие-нибудь?

Старик даже чесаться перестал.

– Ну ты даешь, – протянул он с присвистом. – Сколько лет живу, но о том, кто такие эмпаты, меня еще ни разу не спрашивали. Надо будет этот момент запомнить. Ты какую версию хочешь – официальную или народную?

– Давай официальную.

– Так сразу и не объяснишь, – старик задумчиво отодрал кровавую корочку с колена. – Если официально, то они – защитники человечества, герои времени, мудрые правители и храбрые воины. Хотя говорят, в Альянсе сейчас половина наших, половина эмпатов, но что там на самом деле творится, никто не знает. Когда Маурконд потерял связь с Землей, дикость в колонии началась страшная. Своих ресурсов мало, без поставок из центра – сразу голод и анархия. Ты не

смотри, что я старый, а ладно рассказываю. В школе с мое поработаешь, и не так заговоришь. Я двадцать лет историю преподавал. Если бы эмбаты на Маурконде не появились, к этому времени здесь было бы тихо и спокойно. Одно большое кладбище с загадочными руинами для будущих археологов. Энергоресурс заканчивался, вода тоже, станции работали с перерывами, кислорода не хватало. А тут пришли они – боги во плоти. Эфталит вот нам подарили. На нем в Маурконде все работает – от заводов до фонариков. Эфталитовые реки тоже они провели, на них порталы открыли, колонии основали. Пока их пять – Асбруй, Хартум, Мегидда, Джунгария и Порог. Но последний под вопросом, конечно. Не было бы войны, может, и дальше пошли бы. Неужели ничего не помнишь?

– А почему их эмбатами называют? – спросил Энки, пытаюсь откопать в голове хоть какие-то обрывки. Память молчала, как воин под пытками. – Это другая раса какая-то?

– За чудеса надо платить, – вздохнул старик. – И за жизнь в раю тоже. За свои услуги эмбаты берут с человечества солидную плату. По официальной версии – вполне справедливую. Они на вампиров чем-то похожи, только не кровь пьют, а эмоции, отсюда – эмбаты. Сложная эта штука, в двух словах не объяснишь. Все граждане Маурконда платят общий донорский налог, ОДН называется. Откуда, по-твоему, эмбаты эфталит берут? Из нас выкачивают. Когда граждане хорошо налог платят, все в городе исправно работает. Как только задержки какие, сразу перебои начинаются. Да ты, наверняка, тоже платил. Посмотри на сгибе локтя. Там точки такие синие должны быть. Видишь, у меня целая поляна.

Энки взглянул на свою руку. На бледной коже виднелись засохшие царапины и голубые жилки вен, но никаких точек не было.

– Ага, есть, – соврал он. – Ты сказал, они защитники. А с кем война?

– С «магами», будь они неладны, – снова сплюнул старик.

– С кем? – не понял Энки.

– С маниохами, – нетерпеливо пояснил сосед. – В народе их «магами» называют. Солдаты наши их так прозвали. Уже десять лет с ними в Пороге воюем. За это время все там уничтожили, а ведь какая земля была! У меня там сестра жила, когда «маги» свой портал открыли. Уроды страшные – морда красная, глаза, как

угли, рога, четыре руки-щупальца, а еще крылья. Сущие черти! И ладно, если бы они просто образинами были. Некоторые их с эмпатами сравнивают, да только нашим бледнолицым до них далеко. Маниохи все губят, природа у них такая. От земли остается прах, от деревьев обожженные стволы, от живности, включая людей, – трупы. Если бы они агрессорами были, тогда, может, хоть договориться бы с ними удалось, но для них война – это вопрос выживания. Они ради еды к нам полезли. Им плевать, из кого энергию сосать. Люди, звери, растения – для них все одно. «Маги» свой мир уничтожили, теперь им деваться некуда. Только эмпаты их и сдерживают. Один «маг» щупом своим может тысячу солдат разом уничтожить. Щупа, на самом деле, никакого нет, это для нашего человеческого понимания придумано. Поэтому их и называют «магами». Глянут своими глазищами красными – и нет тебя.

– А на эмпатов их щуп не действует?

– Нет, – вздохнул старик. – Не действует. Даже не знаю, плохо это или хорошо. Хотя для нас, людей, наверное, все-таки хорошо. Крепко же ты, сынок, все забыл. Эмпаты ведь тоже не все одинаковые, у них жесткая кастовая система. Есть черные, есть белые, есть военные. Эти последние засранцы когда-то Маурконд завоевали. Это я тебе уже народную версию излагаю. Все ведь как обычное инопланетное вторжение начиналось. Пришельцы с людьми сначала не цацкались, «пили» всех подряд, хозяйничали, как могли. Это потом уже, когда людей мало стало, забеспокоились, как бы мы все сразу не сдохли. Навели у себя в верхах порядок, придумали Кодекс и стали нас разводить. Кодекс – штука хорошая, но если бы он еще работал, как следует. По этому Кодексу, по закону то есть, эмпаты не имеют право «пить» любого, когда им приспичит. Так только черные поступают. Нормальные эмпаты, белые, обязательно донорами пользуются. Может, видел рекламу в городе – «Стань донором»? Вот, это про них. Донорство – дело сугубо добровольное, только и тут подводных камней полно. Я бы лично предпочел в пехоту Порога записаться, чем эмпатовским донором стать.

– А в чем разница? Везде, наверное, умрешь?

– Ага, – хрюкнул старик. – Только у «магов» ты сдохнешь быстро и даже этого не заметишь, а вот у эмпатов будешь лет десять мучиться. Дольше доноры обычно не живут. Ты меня спрашивал, почему маниохи эмпатов боятся? Да потому что не дураки. Военных эмпатов не так уж и много, их на роту по два-три приходится. Белый эмпат, чтобы вытащить из донора нужную эмоцию, в дример

человека сажает, кресло такое. А уже машина внушает донору все, что душе эмпатовской заблагорассудится – страх, похоть, отчаяние, да что угодно. Ты на кресле корчишься, а эмпат рядом сидит и блаженствует, «питается», одним словом. Так вот, а военным эмпатам такие кресла не нужны. Они тебя сами заставят все, что надо почувствовать. Маниохи от нас ничем не отличаются. Чаще всего, их страхом гоняют, хотя, говорят, эмпаты в Пороге по-разному развлекаются. Недавно вот застали врасплох большой рой «магов» и заставили их совокупляться до беспамьтства, пока наши боевики их всех до последнего не вырезали. Пресса об этом громко трубила, патриотический дух, так сказать, поддерживала. Но обычно маниохи ведут себя осторожно, застигнуть врасплох их трудно.

Старик помолчал, а Энки обхватил голову руками, пытаясь вызвать в памяти хоть обрывок воспоминаний, связанных с эмпатами. Почему-то одно упоминание их расы вызывало в нем странное волнение и... чувство опасности. Но ни их облика, ни славных или позорных деяний, связанных с захватом и защитой Маурконда, он не помнил.

– Облавы на полукровок эмпаты устраивают? – спросил он. – Ради чистоты расы?

– Ага, – кивнул старик. – Чтобы полукровки нас всех не перекосили. Они ведь бестолочи, наполовину люди, наполовину эмпаты. Обычно таких при рождении убивают, но некоторые родители их прячут, пока сами от детишек своих не умирают. Те не умеют «пить» человека грамотно, как эмпат, вот и страдают, а учить их бесполезно. У них с мозгами не все в порядке.

– Но те, кто за мной гнался, вроде на людей похожи были.

– А эмпаты на нас и похожи, – ответил старик. – Только бледные очень, пигмента у них какого-то в коже не хватает. Да ты не переживай, как увидишь их, сразу вспомнишь. Они тюрьмы часто навещают. Откуда, думаешь, доноры берутся? Среди гражданских дураков нет. В основном, наша братия отдувается. Особенно те, у кого пожизненное или вышка. Им терять нечего. Доноры, в принципе, неплохо живут. Их кормят, одевают, развлекают, даже зарплату дают. Только живут они мало, да и нервная эта работа. Мы ОДН раз в полгода сдаем, так потом месяц отойти не можем, а им приходится эмпата «кормить» раза по два на день. Нет, уж извольте, я лучше здесь поживу.

Старик помолчал, а потом закинул ноги на койку и натянул на себя одеяло.

– Как-то неправильно мы с тобой общаемся, – буркнул он. – Ты тоже мне что-нибудь расскажи, а то нечестно выходит. Я вон тебе сколько наговорил. Как тебя взяли? Это ты помнишь?

– Отец, – перебил Энки, прислушиваясь к нарастающему внутри него чувству опасности. – Сейчас ночь, решетки закрыты. А днем камеры отпирают?

– Все так, – закивал старик. – Минут через двадцать откроют. Поэтому я тебя и тороплю. Скоро Медведь придет, он всех новеньких обычно смотрит. А ты в его вкусе – худой и смазливый. Потом либо в медблок угодишь, либо здесь будешь отлеживаться. Не до разговоров будет.

«Спасибо, дедуля, а то я без тебя не знал, что в тюрьмах со свежим мясом делают», – сердито подумал Энки и принялся мерить шагами камеру, в сотый раз осматривая каждую трещину на стенах. Из этой тюрьмы можно было сбежать, но для подготовки требовалось время, которого у него не было.

Энки подошел к замку и присел, оказавшись глазами на одном уровне с тонкой панелью, мигающей красными индикаторами. «Примитивное устройство, – прошептала память. – Но для рабочего материала сойдет». Отвернувшись от решетки, он еще раз оглядел камеру. Старик беспокойно возился на верхней полке, стараясь плотнее завернуться в одеяло. Наверное, не хотел привлечь внимание утренних гостей. И тут взгляд Энки упал на черный приборчик, выглядывающий из-под тощей подушки соседа.

– Отдай! – возмущенно завопил дед, когда Энки выдернул коробочку и принялся вертеть ее в пальцах, чувствуя, как мысли в голове крутятся быстрее и веселее.

– Разве здесь можно слушать радио? – спросил он, отламывая крышку.

– Негодяй! – проскрипел старик, но Энки уже вытряхивал на ладонь мелкие детали. – Это мой приемник! Мне за хорошее поведение положено. Имею право слушать радио и сидеть без соседей. Что ты творишь?

– Да ты, отец, не волнуйся, – улыбнулся Энки и, усевшись на толчок, откуда коридор просматривался лучше, чем с кровати, стал ковырять в приемнике. – Я тебе потом новый соберу. Лучше прежнего будет. Ты мне про карцер расскажи. Жарко там или холодно?

– А про Медведя спросить не хочешь? – съязвил старик. – До карцера тебе еще, может, и далеко, а вот Медведь близко. Дам совет. Когда он тебя нагнет, ты ему лучше подыграй, не кричи. И острить не вздумай. Таким он сначала зубы выбивает, а в медблоке новых тебе не вставят. Можешь, у Шепелявого спросить. Он сюда месяц назад попал, а ведь на воле инструктором по самообороне был. Ну, стукнул он Медведя пару раз, а толку-то? Теперь ходит без зубов и голоса. Глотку ему порвали, и все остальное тоже. Поэтому ты в героя не играй. Таких как Медведь здесь много, а чтобы не стать общей дыркой, постарайся ему понравится. Если тебя на крючок авторитет посадит, то больше никто трогать не станет. У него и камера просторнее – весь гарем с ним живет. Там нормальные пацаны, толковые, и про эмпатов тебе расскажут, и про доноров. В тюрьме, брат, знаешь, каждый как может, приспособливается.

– О себе заботишься? – усмехнулся Энки, поглядывая в сторону коридора, откуда раздавались гулкие звуки. Кажется, тюрьма начинала пробуждаться.

– А как же, – отозвался старик. – Думаешь, приятно будет твои вопли слушать. Все вы кричите, как резаные. Да и одиночное у меня. А из тебя сосед беспокойный, сразу видно.

Дед фыркнул и обиженно отвернулся к стене, накрывшись с головой одеялом.

Оно и к лучшему. Пусть прикидывается ветошью и не мешает.

Когда по коридору слышались шаги, у Энки задергался глаз. Озноб после медблока почти прошел, но это означало лишь то, что скоро начнется рассасывание имплантированных бинтов – и случиться это может в любую секунду. А еще ему дико хотелось есть, прямо до безумия. Он принялся грызть ноготь, но при мысли, что на руки могла попасть стариковская кожа, его чуть не стошнило.

«Все будет хорошо», – успокоил он себя.

«Все будет хорошо, – эхом откликнулись в его голове и цинично добавили. – Пока не станет совсем плохо».

Медведь оказался крупным, мордастым парнем. Лысый, неровный череп в шишках жирах, маленькие, черные глазки и массивное туловище с толстым слоем сала, покрывающего мышцы, действительно, делали его похожим на лесного хищника. Молния на тюремном комбинезоне была небрежно расстегнута, оголяя обвисшие, как у женщины, груди. Грубая ткань робы туго натягивалась на животе, облепляя выступающий пупок и складки жира. Его голова едва не доставала потолка, а в ботинок могло уместиться две ноги обычного человека. Однако при всей своей массе он не казался толстым, а двигался и вовсе проворно. Громилу сопровождали пять здоровяков в серых тюремных робах, но никого колоритнее вожака не было.

– Привет, малыш, – кивнул Медведь, останавливаясь у решетки, двери которой автоматически распахнулись минут десять назад. Все это время Энки просидел на толчке, настороженно вглядываясь в стену коридора.

Машинально отметив, что комбинезон облепляет «быка» слишком плотно, а молния заканчивается на животе, он некстати подумал о том, что здоровяку, наверное, не просто освободиться от робы, чтобы отлить или, как в данном случае, кого-нибудь опустить. Наверное, для этого громила и привел братву – чтобы помогли стянуть тряпье, если что застрянет. Губы растянулись в незапланированную улыбку, но Энки ничего не мог с собой поделаться. В груди давно жгло, в пальцах кололо, а по телу бурлил адреналин.

– Да ты, я смотрю, веселый малый, – усмехнулся Медведь, нагибаясь, чтобы лучше рассмотреть Энки в проеме двери. – Думаю, мы поладим. Как зовут?

Энки сглотнул, но решил, что лучше представиться.

– Меня зовут Шок и Трепет, – сказал он, стараясь сидеть небрежно и расслабленно. – Это моя территория. Я тебя не звал. Зачем явился?

– Зачем? – переспросил верзила, обнажая желтые зубы в нехорошей улыбке. – Хочу твою задницу порвать.

– Жестоко.

– А мир вообще не ласков, – хмыкнул Медведь и ввалился в камеру. Вернее, попытался это сделать, потому что Энки был наготове.

Едва голова верзилы показалась в проеме двери, как он активировал пульт, собранный из приемника. О том, как работает эта машинка и откуда у него возникла такая идея, Энки предпочел не думать. Главное, что она сделала свое дело – включила автоматические двери, которые захлопнулись в ту секунду, когда тело Медведя проходило ворота.

Сдвигающиеся решетки сдавили верзилу с боков, пытаясь закрыться, но препятствие было им не по силам. Медведь задергался, его мордастое лицо с отвислыми щеками покраснело, а глаза выпучились, став похожими на спелые маслины. Понимая, что громила может выскользнуть из дверей в любой момент, Энки не стал терять времени. По коридору вовсю гремела сигнализация, друзья несчастного кричали и суетились, пытаясь протолкнуть главаря в камеру, но охрана вмешиваться не спешила.

«Сейчас я их заинтересую», – подумал Энки, чувствуя себя, как никогда, спокойным и собранным. Сначала к Медведю нужно было приблизиться. Это удалось не сразу, так как одна рука верзилы оказалась в камере, и он молотил ей по воздуху, словно кузнечным молотом.

– Ты сдохнешь, сдохнешь! – гремел Медведь, но Энки не было дела, что там говорила голова. Его интересовали ноги. Присев, он быстро стащил с захваченного в тиски великана здоровый ботинок. Он сам и большинство заключенных из «бычьей» компании были босыми. Неизвестно, за какие заслуги Медведь получил право носить обувь, но крепкий тюремный башмак отлично подходил под замыслы Энки.

Прежде всего, он сломал им пальцы загребающей воздух ручищи. Из глотки Медведя вырвался такой рев, что любой бы зверь позавидовал. Бить по животу и груди было бесполезно – туловище великана покрывал слой жира. Энки задумался только на секунду, переводя взгляд со штанов Медведя на его рот, но, в конце концов, выбрал ту цель, что повыше. Бить по гениталиям «быка» было противно, да и крови было бы меньше, а ему нужно было что-нибудь зрелищное. Приподнявшись на носках, он с трудом дотянулся до лысой башки Медведя, и, положив руку на потный, скользкий лоб, толкнул голову жертвы назад, одновременно вбивая каблук ботинка в разинутый рот. Вместе с

осколками передних зубов обильно хлынула кровь, заливая грудь верзилы и усеивая кровавыми точками лицо Энки. По ушам резанул истошный вопль Медведя, который заглушил крики сбежавшихся заключенных.

«Может, хватит?» – поинтересовался голос прошлого, после того как он методично выбил Медведю все зубы его же ботинком. Энки бросил взгляд на озверевшую толпу «быков», которая пыталась выломать решетки, и пустил в ход кулак, так как от последнего удара каблук отвалился. «Нет, не хватит», – решительно подумал он. План должен быть доведен до конца, а между истерзанных губ великана еще белели осколки.

Он не знал, как часто в тюрьме устраивались подобные разборательства, но интуитивно догадывался, что охрана специально выдерживала паузу. Ждала, когда подопечные выпустят пар. Если бы на месте Медведя был Энки, она вообще вряд ли бы появилась. Все закончилось, когда он перешел к нижней цели и, размахнувшись, всадил носок ботинка жертве между ног. Верзила издал странный звук и обмяк, повиснув между створок решетки, словно насаженный на кол зверь.

К тому времени, когда тюремщики прогнали толпу, разблокировали замок и сняли Медведя, Энки сидел на толчке и бездумно смотрел на залитый кровью пол. Несмотря на обещание собрать приемник обратно, пришлось смыть приборчик в унитаз. Его колотила крупная дрожь, а от былой уверенности не осталось и следа. «Ты сволочь!» – прошептал голос из прошлого, и в этот момент в камеру ворвались тюремщики. С их появлением все снова пошло по плану.

– Этого в карцер, – скомандовал старший охранник, хватая Энки и швыряя его к открытой двери решетки. Энки поскользнулся и, не удержавшись, упал на пол, угодив в кровавую лужу, усеянную белыми осколками. Они впивались в ладони, словно тысячи игл. Его передернуло и согнуло в рвотном спазме, но в желудке было пусто.

«Ударьте меня кто-нибудь по голове», – подумал он, и его просьбу услышали.

План провалился, а ловушка захлопнулась. Юджин с трудом вылезла из-под кучи сухого, выжженного мусора, завалившего ее при взрыве, и, не поднимая головы от земли, поправила линзу-видеосканер в правом глазу. Солнце в Пороге вставало поздно. Несмотря на то что хронограф показывал девять утра, холмистая местность утопала в темноте. Видеосканер сразу настроил картинку, переключившись на систему ночного видения, но ничего хорошего она не увидела.

Роботы маниохов, печально знаменитые «осьминоги», перемалывали человеческую пехоту Маурконда в фарш. Группа военных эмпатов, которая должна была прикрывать мауркондских саперов, попала в западню, и была бесполезна, словно конечность, которая когда-то держала оружие, но из-за начавшейся заразы, была ампутирована. Эта конечность еще ощущалась бывшим владельцем, но давно превратилась в плод воображения больного мозга, не смирившегося с потерей. Юджин не оборачивалась назад. Она знала, что была последней.

Долина Ручьев уже в третий раз меняла хозяев. И хотя от земли и всего, что на ней когда-то росло, остался лишь черный прах, ни та, ни другая стороны не собирались уступать территорию. Мауркондцы сражались за эфталитовый ручей, который питал портал колонии, а маниохи дрались за единственный проход, через который можно было провести неповоротливого дроида с убийственной огневой мощью, прозванного мауркондцами «маткой». У маниохов таких «маток» было всего две. Одна охраняла их собственный портал, скрытый в северной горной цепи Порога, вторая перемещалась по континенту, превращая в прах все живое и подпитывая «магов»-операторов, которые управляли стопоходами, дронами-беспилотниками и «осьминогами» – механическими монстрами, одинаково свободно и с большой скоростью двигающимися как по воздуху, так и под землей.

Собственно из-за этих операторов эмпаты и сопровождали войска Маурконда. Энергетический щуп маниоха мог убить до ста человеческих солдат на дальних дистанциях, но на эмпатов не действовал. Из-за эмоционального внушения – главного оружия эмпатов – «магам»-операторам приходилось скрываться под землей, управляя оттуда боевыми роботами, на которых внушение противника не действовало. Боевые силы Маурконда тоже состояли преимущественно из роботов, которые не чувствовали воздействия энергетических щупов маниохов. Таким образом, это была война роботов – затяжная, десятилетняя война за землю, превращенную в прах и пепел.

Операция «Огненный град» должна была освободить Долину Ручьев от мин и ловушек, оставленных отступающими «магами». Отряд, состоящий из роботов-саперов, универсальных дроидов класса «земля», одного роботанка и полсотни наемников в боевых скафандрах, с утра прочесывал местность, а три эмпыта под командованием Юджин прикрывали операцию. Неприятных сюрпризов не ожидалось, так как местность раньше уже «зачищали» ее коллеги из другого отряда, но по правилам Кодекса эмпыты должны были сопровождать любую операцию боевых сил Маурконда.

Эмпыты откровенно скучали, и, когда на юго-востоке дрон-разведчик заметил раненного «мага», Юджин посчитала это личной удачей. Оставив Франка с отрядом зачистки, она вместе с Саффилдом, новеньким Йэном, недавно прибывшим из центра, и тремя донорами отправилась на охоту. Поймать живого маниоха считалось не просто удачей – это стало бы лучшей наградой за всю ее военную карьеру. По крайней мере, пока этого не удавалось никому из-за чипа самоуничтожения, вживленного в мозг операторов. А Юджин давно грезила идеей «попробовать» маниоха. Вдруг «маги» оказались бы долговечнее человеческих доноров? Герлан, командующий военными эмпытами в Пороге, считал, что маниохи, хоть и реагируют на внушение, все же отстают от людей в чувственном восприятии. Но Юджин хотелось проверить это предположение лично.

За свое любопытство она заплатила высокую цену.

Доноров убили первыми, за ними – Йэна, который только два месяца назад окончил военное училище. А все так хорошо начиналось. Раненный «маг» с подбитым крылом был почти пойман. Его зажали между двумя отвесными каменными блоками, оставшимися от склада. Таких развалин в долине было полно – ведь когда-то на этих землях выращивали хлеб. Ампула с инъекцией контроля, которую Юджин лично засадила в его зубастую голову, мешала чипу-ликвидатору уничтожить тело «мага», и она уже предвкушала пир. Но в результате в ловушке оказались они. Наверное, маниохи давно готовили эту операцию. Юджин не хотелось думать, что отступление «магов» из долины было спланировано заранее, но выводы напрашивались сами собой. Когда из развалин здания на них посыпались «осьминоги», поражение было очевидным. Раненный маниох был наживкой, и они проглотили ее, не заметив крючка. Оператор, выпустивший на них «осьминогов», успешно скрывался где-то под землей, раненного «мага» прибили свои же, а мауркондский боевой дрон, которого эмпыты взяли «на всякий случай», героически погиб, сцепившись с десятком

извивающихся монстров.

Юджин плохо помнила, что делала потом. Стреляла, бежала, что-то кричала, падала, поднималась, снова бежала. Сражаться с «осьминогами» было бессмысленно. Против них даже роботанки не всегда выстаивали. Она же не была ни роботом, ни танком – лишь глупым эмпатом, из-за любопытства которого они могли потерять Долину Ручьев. И все же лечь на землю и ждать смерти она тоже не могла, поэтому делала то единственное, что сейчас могла – выживала.

Ее то окутывало волнами жара, то осыпало колючей крошкой, то оглушало воем орудий и лязгом металлических щупалец, которые со скоростью молний мелькали где-то рядом, но почему-то не задевали. Во рту было солено от крови, а так как из «осьминогов» кровь не текла, гадать, кто был ранен – она или враг, не приходилось. Когда Юджин расстреляла весь боезапас и посадила эфталитовую батарею на плазменном излучателе, то сильно удивилась, что еще дышит.

Вокруг стояла плотная стена пыли из песка, пепла и дряни, витавшей в воздухе. Забившись под обломок балки, она, наконец, достала маску из походной сумки, нацепила на лицо, попыталась вдохнуть, но только закашлялась, так как глотка была присыпана пылью, словно стол мельника мукой. Связь, конечно, не работала. Маниохов не просто так называли «магами» – порой их техника выводила из строя даже новейшие изобретения военных лабораторий Маурконда. Быстро осмотрев себя, Юджин убедилась, что серьезных повреждений у нее нет, царапины и ожоги были не в счет.

«Надо найти Саффилда», – подумала она, осторожно выглядывая из укрытия. Он сражался с маниогами с начала войны и по праву считался неубиваемым. Ей было жаль Йэна, но больше всего ее сердце ныло по донору. Венифер служила у нее давно, и их эмоциональная связь была закалена во многих сражениях. Юджин предпочла бы оказаться на территории врага без оружия, но только не без донора.

«Осьминог» подкрался неожиданно, схватил ее за шею гибким щупальцем и поднял в воздух, придерживая за ноги рукастыми манипуляторами. Осознание, что убивать ее не станут, сперва оглушило, а потом открыло врата для паники. Как и эмбаты, маниохи мечтали взять врага живым. Но в отличие от «магов» военные эмбаты не вживляли себе в мозг чипы-ликвидаторы, хотя эта идея

давно обсуждалась Альянсом и главным штабом. По мнению Юджин, идея была трезвой, так как в отличие от тех, кто отращивал зады в штабных креслах, ей приходилось видеть мертвые тела попавших в плен эмпатов вживую, а не на экранах. Никто не знал, что «маги» делали с пленными, но охота за ними была организована у них не в пример тому, как эмпаты пытались охотиться за маниохами. Обычно «маги» держали эмпатов несколько месяцев. Как догадывалась Юджин, то был максимальный срок выживания в роли доноров у маниохов. А в том, что «маги» использовали ее расу именно таким образом, у нее не было сомнений. Тела пленных, которые «маги» подбрасывали на вражескую территорию, напоминали высохшие стебли – изможденные, худые, обтянутые кожей скелеты со следами хирургических операций и лабораторных опытов. Нет, Юджин в плен не хотела.

Мысли заметались в поисках лазейки, которая помогла бы ей сдохнуть, если не быстро, то хотя бы наверняка. Но робот крепко держал ее за горло, а теперь еще обхватил щупальцами ноги и руки, растянув Юджин, словно пойманное насекомое над альбомом коллекционера. Осталось дожидаться появления любителя с булавкой.

Маниох возник неожиданно, проступив из облака пыли, словно демон из клубов ада. Юджин сглотнула и скосила глаза в сторону, стараясь не смотреть на врага. «Если бы у меня был донор, твоя мерзкая рожа сейчас бы не улыбалась», – досадливо подумала она. Но Венифер погибла: Юджин не нужно было видеть мертвое тело женщины, чтобы знать о том, что она осталась без своего главного оружия. С донором она могла бы нащупать маниоха-оператора даже глубоко под землей и взять его под контроль. Увы, дистанционное внушение было возможно только при живом доноре. Впрочем, сама Юджин тоже кое-что умела, но для этого ей требовалось коснуться «мага». Маниох был прекрасно осведомлен о ее способностях и предусмотрительно держался на расстоянии.

Юджин давно не чувствовала себя такой беспомощной. Она думала, что знала все о том, как выглядят «маги», но живой маниох на расстоянии вытянутой руки не шел ни в какое сравнение с «картинкой». Он был огромным, с шершавой пузырьчатой кожей, лоснящимися крыльями, сегментированным брюхом и хищным оскалом никогда не закрывающегося рта. От него пахло пылью, уксусом и непередаваемой смесью горько-пряного пота. Больше всего «маг» напоминал черта из человеческой мифологии, но Юджин знала, что «начинка» у него вполне смертная. Несмотря на высокий рост и чудовищный вид, маниох обладал немного искаженной, но очень похожей на человеческую анатомией. «Ударишь

его в грудь слева, попадешь в сердце, полоснешь по шее – и тварь захлебнется собственной кровью», – учил ее Саффилд, когда она, еще девчонка, впервые попала в армию Порога.

Ей стоило раньше вспомнить Саффилда. Он появился из ниоткуда, рухнув на безобразную голову «осьминога», словно карающий ангел на демона. Юджин запомнила его прыжок на всю жизнь. Все произошло за секунды, но она успела рассмотреть самое важное: безжизненную руку Саффилда, болтающуюся вдоль тела, будто ненужный отросток, взрывчатку, зажатую в окровавленных зубах, и его безумные глаза, которые прощались с ней, крича то, что он никогда не решился бы сказать ей даже шепотом. Осознание неизбежного расставания и острое нестерпимое чувство боли, увы, не физической, накрыли ее, лишая сил и воли. Прощальный подарок Саффилда был бесценен. Он собирался подарить ей смерть.

Когда Саффилд взорвал себя, Юджин окутала горячая волна лавы, поглотившая ее словно щуп маниоха поле кукурузы. Но она не умерла – и даже без сознания пробыла недолго. Когда эмпат очнулась, в воздухе еще летали обломки, комки грязи и мусора, поднятые взрывом. Ее придавило грудной пластиной «осьминога», которая накрыла ее словно щит, чудом не отрезав острыми краями голову и ноги. Юджин с трудом выбралась из-под нее и долго ползала по грязи в поисках чего-нибудь от Саффилда, не сразу заметив, что за ней волочатся щупальца «осьминога», все еще сжимающиеся вокруг ее горла. Снять их удалось только в больнице. Ее подобрал летающий дрон-разведчик Маурконда, и она была единственной выжившей из саперного отряда, отправившегося зачищать Долину Ручьев. Юджин не получила серьезных ранений, и это беспокоило сильнее того, что ее понизили до звания рядового, лишив права командования. Если бы ей оторвало руку или обезобразило лицо уродливыми шрамами, тогда, возможно, она не просыпалась бы по ночам от пронзительного взгляда Саффилда и прикосновения металлических щупалец, сжимающихся на горле.

– Выспалась? – ехидно спросил Алистер, когда она перехватила его руку, пытающуюся расстегнуть ей комбинезон.

– Пошел к черту, – буркнула Юджин, понимая, что проснулась от собственного крика. Прошло уже три года, но кошмар всегда был одним и тем же. Она злобно прищурилась, моргая от яркого света внутри глайдера, но тут же успокоилась. Ненависть нужно было оставить для «магов», она специально копила ее, чтобы

расплавить в ней врага, когда встреча повторится – в этом она не сомневалась. Алистер же был просто дурак.

Юджин вытянула затекшие ноги и посмотрела в иллюминатор. Над Мауркондом еще висели сумерки, и глазеть было не на что. Предрассветная мгла окутывала одну часть видимого пространства, серое крыло глайдера с мигающими красными датчиками загоразивало другую. После того как шпионы «магов» попытались взорвать единственный портал Порога, телепорт работал крайне нестабильно. Маниохи так хитро повредили главный блок портала, что технари Маурконда до сих пор ковырялись в начинке, пытаясь устранить неполадки. В результате вместо первого квартала ее глайдер выбросило в тридцать шестом, и бригаде сканеров пришлось тратить время и делать крюк, чтобы подобрать последнего члена их наспех созданной команды. Таким образом, из пяти дней, которые она должна была провести в Маурконде, оставалось четыре. Как бы ей хотелось, чтобы эти дни пролетели за секунду, и она снова бы очутилась в Пороге. Там, где было ее место.

Сканеры... Юджин обвела презрительным взглядом четырех эмпатов, пытающихся убить скуку полета всеми доступными методами. Гражданские... Все городские эмпаты носили белые плащи и щегольские сапоги на высоких каблуках, красили глаза и выбривали разные символы на затылках. Смешно подумать, но когда-то она ничем от них не отличалась. Когда-то очень давно. Сейчас Юджин выделялась среди людей в глайдере, как охотничий нож среди столовых приборов. За пределами Порога военным разрешалось носить не только форму, но она осталась в той одежде, к которой за долгие годы приросла кожей. Ее черный комбинезон, возможно, не выглядел так модно и эстетично, как белый плащ Алистера, но Юджин, прежде всего, были важны многофункциональные приборы, встроенные в костюм, а на внешний вид можно было и наплевать. И хотя она подкрасила губы и немного подвела глаза, в основном, из-за требований к внешнему виду эмпатов, прописанных в Кодексе, до других пассажиров ей было далеко. «Интересно, сколько времени у них уходит, чтобы нанести весь этот грим?» – лениво подумала она, разглядывая фантастический макияж соседки, имя которой показалось ей слишком незначительным, чтобы хранить его в памяти.

Большинство эмпатов разгоняли скуку, забавляясь с донорами. Алистер, например, не добившись взаимопонимания от Юджин, принялся мять грудь красивой женщины с черными раскосыми глазами, которая отреагировала на его прикосновения, как и положено донору – залила весь глайдер волнами

возбуждения, отчего у голодной Юджин перехватило дыхание и зашумело в голове.

Военные эмпааты много чем отличались от гражданских, но, в первую очередь, отношением к донорам. Ни один военный не стал бы «пить» своего «союзника» на глазах у других эмпаатов. Юджин была твердо убеждена, что чем реже трогаешь донора, тем дольше он живет, и у тебя меньше болит голова, где взять нового. Она никогда не пользовалась дримерами и другими дешевыми устройствами, созданными для ленивых городских эмпаатов. Ее новый донор по имени Арсил, маленький лысый мужчина с живыми бегающими глазами, еще этого не знал и беспокойно косился в ее сторону. Он был разорившимся фермером из Асбруя, который продался в доноры, чтобы прокормить семью. Юджин чувствовала его беспокойство, но заставила себя быть терпеливой. Это было трудно. Словно после долгой голодовки сидеть перед тарелкой с дымящейся похлебкой и уговаривать себя подождать еще пару минут. Алистер насмешливо поглядывал на них, но Юджин плевать на него хотела. От одной мысли, что ей придется провести с этими гражданскими четыре дня, ее начинало мутить.

И все же кое-что общее у них имелось. То, что она предпочитала бы хранить в тайне. Все они были сканерами, эмпаатами с редким даром чтения эмоционального пространства прошлого. Официально в Маурконде проживало сто пятьдесят сканеров, но руководство решило, что в группе сканеров, собранной по случаю кражи из правительственной лаборатории какого-то редкого вещества, обязательно должен быть военный. Она не удивилась, когда генерал Коэл, не задумываясь, назвал ее кандидатуру. После провала операции в Долине Ручьев он записал Юджин в вечные «штрафники» и, словно одного разжалования было недостаточно, постоянно отправлял ее в подобные «командировки».

«Ничего, – успокоила она себя. – Четыре дня пролетят незаметно. Тебе нужно лишь «понюхать» эту проклятую лабораторию, передать информацию Алистеру и дожидаться расформирования группы. А дальше пусть следователи-менталисты работают, тебя это не касается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/petruk_vera/donor

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)